

АНЕКДОТ КАК ФЕНОМЕН СОЦИАЛЬНЫХ КОММУНИКАЦИЙ

И.А. Манкевич

*Санкт-Петербургский государственный университет им. А.С. Пушкина,
кафедра русской и зарубежной литературы
189620, Санкт-Петербург, Пушкин, Петербургское шоссе, 10*

Получена 10 февраля 2005 г.

This article is devoted to anecdote as phenomenon of the social communication. The anecdote is observed on the basis of theory of culture.

Анекдот «у всех на устах». Он относится к самому живучему фольклорному жанру, сохраняющему, в отличие от других своих собратьев по ироническому «цеху», удивительную мобильность и продуктивность в отношении новых текстов, что стимулирует активный интерес специалистов разных гуманитарных областей и мировоззренческих ориентаций, к этому, в буквальном смысле слова, повседневному явлению культуры [1; 2; 5].

Отличительные признаки анекдота как жанра культуры (анонимность, лаконизм, отсутствие канонического текста, стереотипность художественной формы и содержания, пародийность и театральность) обусловлены спецификой той социальной среды, которая его порождает, и той, которая обеспечивает его функционирование в социальном времени и пространстве. Природная среда анекдота – устная словесность, а первичный канал распространения – канал устной социальной коммуникации (СК), остающийся доминирующим несмотря на то, что сегодня русский анекдот весьма активно имплантируется в иные среды обитания (книга, каналы СМИ). Многоликость анекдота как текста культуры, его «зеркальность» по отношению к событиям и ситуациям повседневной жизни делают его идеальным объектом для различных культурологических интерпретаций. В данной статье представлена культурологическая модель анекдота как феномена СК, основу которой составляют категории: субъекты СК, социальное пространство, социальное время, коммуникационная деятельность, социальная память [3].

Анекдот в контексте категории «субъекты СК». Кто сочиняет анекдоты? Вопрос риторический. Никто никогда не видел «живьем»

ни одного из его **сочинителей**. Даже если предполагаемый автор широко известен в «узких кругах» (К. Радек, Ф. Раневская), его авторство включается в мифическую анонимность анекдота. Личность творца становится легендарной, а титулы «отца» и «матери» анекдота так и остаются вакантными: *Ведущий радиопередачи: «Нам поступает много вопросов о том, кто сочиняет анекдоты. Этим интересуются: товарищ Иванов из Брянска, товарищ Петров из Перми, товарищ Сидоров из Тюмени и товарищ Андронов из Москвы».*

При всей очевидности «непорочного зачатия» анекдотов бесспорным остается лишь одно: их сочиняют преимущественно те представители «тончайшего слоя» общества, которые, обладая тонким чувством юмора и потребностью к художественно-образному осмыслению жизни, не стремятся увековечить свое имя на скрижалях истории. «Анекдот есть порождение городской культуры Нового времени, и не пролетарских и люмпенских ее низов, а интеллектуальной элиты, которую в России называют "интеллигенцией"» [1, с. 54]. Очевидно также, что анекдот создает воинствующий безбожник и скептик, чья философия рождалась в ритмах городской культуры, оторванной от размеренных циклов природного бытия: *«Ты что рисуешь?» – спрашивают художника. – «Бога единого». – «Так ведь его никто не видел». – «Вот сейчас нарисую, и увидят».*

Функционирование анекдота предполагает наличие своей **аудитории** – хранительницы культурных кодов времени. Звучание анекдота зависит от многих нюансов, в том числе от того, кто его слушает, что он слышит и какую смысловую нагрузку анекдот несет именно этому слушателю. Русский анекдот может оценить только

русский человек. Ну, о чем, например, джентльмену с Темзы может поведать анекдот следующего содержания: Анка: «Я произвела в Париже настоящий фужер!» Петька: «Не фужер, а фураж! Василь Иванович, как правильно?» – «Не знаю, ребята. Я в этих вопросах не копенгаген». Однако реакция на английский анекдот российского интеллигента, знакомого с национальными особенностями культуры обитателей туманного Альбиона, будет вполне адекватна: *Встретились на улице Лондона два фланлирующих джентльмена, посмотрели друг другу в глаза, остановились и обменялись лаконичными репликами: «Homosexual?» – «Homosexual» – «Active?» – «Passive». – «Oxford?» – «Cambridge». «Sorry!» – «Sorry!». И разошлись.*

Анекдот в контексте категорий «социальное время» и «социальное пространство». Среди исторических предшественников, во взаимодействии с которыми рождался и развивался современный русский анекдот, специалисты называют два источника – европейскую литературную традицию культурной элиты и традиционную фольклорную культуру, а в ряду основных его жанровых разновидностей обычно выделяют политический, эротический и этический анекдоты [1, с. 8, 17].

Своего наивысшего расцвета русский **политический анекдот** достигает в эпоху тоталитарного режима, став на все времена знаковым явлением советской культуры. Каждая официальная акция советского правительства имела своего «двойника-пересмешивателя», нейтрализующего её пропагандистский пафос. **Эпоха Хрущева.** Ангел обращается к пассажирам авиалайнера: «Господа, сейчас произойдет авиационная катастрофа и даже Бог не в силах ее предотвратить, но он может исполнить ваши последние желания». Хрущев: «Уничтожить капитализм во всем мире». Кеннеди: «Уничтожить социализм во всем мире!» Голда Меир: «Уважаемый ангел, если Бог исполнит желания этих двух господ, мне, пожалуйста, чашечку кофе...». **Эпоха Брежнева.** В связи с юбилеем А.С. Пушкина был объявлен конкурс на проект памятника великому поэту. Третью премию получил памятник «Пушкин, читающий книгу Брежнева», вторую – «Брежнев читает книгу Пушкина», первую – «Брежнев читает книгу Брежнева». **Эпоха Горбачева.** Утреннее сообщение по Всесоюзному радио: «Уважаемые товарищи! Сообщаем вам, что общероссийский эксперимент, длившийся 72 года, закончен. Здравствуйте, дамы и господа!». **Эпоха Ельцина.** Лозунг коммунистов: «Ленин жив!». Лозунг демократов: «Ельцин здоров!». **Эпоха Путина.** В последний час: «С 26 марта 2000

года все анекдоты о Вовочке считаются политическими».

«Убить пересмешивателя», сочиняющего свою версию политической истории Отечества, не по силам ни времени, ни правителям. Сегодня русский анекдот продолжает пополнять историческую летопись России новыми сюжетами: *Из последнего указа Главы государства: «Глава государства назначается Главой государства по представлению Главы государства».* Как говорится, «Путину бояться – в сортир не ходить».

Тем не менее с потерей контекста времени и пространства острый политический анекдот угасает. Диктатура плюрализма и гласности лишила этот жанр питательной почвы. «Дайте ему свободу, отмените запреты, и он сдохнет...», – предрекал судьбу политического анекдота в России Андрей Синявский (цит. по [4, с. 236]). Впрочем, и это обстоятельство не прошло мимо всевидящего ока коллективного анонимного гения: «У тебя есть новый анекдот?» – «Нет. А у тебя?» – «Тоже нет». – «Тьфу! Что за правительство?!».

Освободившуюся нишу тут же занял **анекдот эротический**. Знаменитое «ахматовское» «Когда б вы знали, из какого сора...» вполне применимо и к анекдотическим текстам культуры. «Джентльменский набор» эротических анекдотов весьма примитивен и не эстетичен: мужья-недотепы, возвращающиеся из командировки, неверные жены и их находчивые любовники, словечки из матерного лексикона. Однако в социально-психологическом плане эротические анекдоты весьма показательны, так как черпают сюжеты из конфузных жизненных ситуаций, выставляя на всеобщее обозрение аномальный эпизод и предлагая видеть в нем нечто обыденное: «Свидетель, что вы можете сказать по данному делу?» Свидетель: «Сиюю я в холодильнике».

В этических анекдотах обыгрывается доведенная до абсурда обыденная ситуация, которая преподносится в максимально сконцентрированном виде: *Разговор мужа с женой: «Ты не права!» – «Значит, я вру, по-твоему! Брешу, так сказать? Я что, собака? Мама-а! Он меня сукой назвал!».* Этический анекдот претендует на психологический тип достоверности, позволяя себе при этом снисходить до самого черного юмора: «Доктор, я умираю. Посоветуйте хоть что-нибудь!» – «Ну, поезжайте на грязи». – «А что, поможет?» – «Ну, помочь не поможет, а к земле привыкнете».

Для русского анекдота нет ничего святого. В шутовской роли выступают и вожди, и реальные исторические персонажи, и киногерои, любимые вождями и рядовыми потребителями культуры. Так, при всей любви народа к телесериалу «Сем-

надцать мгновений весны» и красавчику В. Тихонову – Штирлицу, «идеологический заказ» на героя-интеллектуала, с легкостью водившего за нос по-своему обаятельных высших чинов рейха, был налицо. А это уже повод для рождения целого сериала анекдотов, добавившего свою «ложку дегтя» в «сладкую жизнь» легендарного киногероя: *В день Советской армии Штирлиц надел буденовку, сел на белого коня и с саблей наголо и красным флагом с серпом и молотом промчался по Берлину. Только спустя год он понял, что никогда еще не был так близок к провалу.*

Рождение анекдотов провоцирует и сама литература как социальный институт. Под 200-летний юбилей А.С. Пушкина из СМИ всех «калибров» в массы буквально хлынули целые потоки разного рода и сорта «пушкинских анекдотов», пародийно обыгрывающих репутацию первого поэта в России. *Сергей Львович Пушкин выходит из будуара, запахивая халат: «До дня рождения Александра Сергеевича осталось девять месяцев».*

Время рассказывания анекдотов. Искусство рассказывания анекдотов зависит от умения рассказчика точно уловить коммуникационную ситуацию, почувствовать тот момент, когда анекдот, высвечивая потаенный смысл жизненного события, способен произвести ожидаемый комический эффект. Ситуация «травли» анекдотов сама по себе губительна для жанра, так как превращает его из произведения искусства и инструмента интеллектуальной игры в объект ширпотреба. Анекдот, как и пословица («хороша ложка к обеду»), работает только к случаю.

Время жизни анекдота. Анекдот жив, если его рассказывают и показывают. Рассказ старого анекдота «роняет жанр». Хороший анекдот – это всегда последняя новость, так как он откликается на значимые события дня сегодняшнего, старея и наращивая «бороду» вместе с новостями вчерашнего дня. Так, сегодня практически завершенными оказались циклы анекдотов о Чапаеве и Штирлице. Но в историческом времени анекдот не умирает. Каждое новое время дает постаревшему анекдоту всегда актуальный социальный заказ – быть свидетелем эпохи.

Анекдот в контексте категории «коммуникационная деятельность»

«Диалог». На уровне жанра анекдот функционирует только в диалоге, являясь одновременно родом повествования и представлением. Но и на уровне структуры текст анекдота выстраивается как диалог (обмен репликами, вопрос – ответ), сюжет которого укладывается в одну-две фразы, достаточных для того, чтобы поделиться сплетней, новостью, слухом: *«Ты знаешь, Иван Иванович умер!» – «Да что ты? То-то, я ви-*

жу, его вчера в гробу несли». Анекдот, наряду с кружкой пива, рюмкой «чая» и сигаретой, можно отнести к «джентльменскому набору» коммуникативных средств, столь необходимых для легкого вступления в диалог в незнакомой компании. **«Диалог-согласие».** Удовольствие от совместного веселья рождает чувство **«мы»**, объединяющее «родственные души» в веселую компанию. Смех создает ту комфортную среду, в которой можно, отбросив «ложные ценности» и не смущаясь своих и чужих комплексов, от души смеяться над ними: *«О, взйми мир, твоя собака так поет, что может быть кантором в нашей синагоге!» – «Ребе, я таки ей твержу то же самое. А она и слушать не хочет! Только зубным техником».*

«Диалог-конфронтация». Как жанр культуры анекдот весьма добродушен по отношению к внешнему миру. Он лишь высвечивает характерные черты героев и антигероев своего времени, обнажая «общие места» их повседневной культуры. Но на уровне сюжета язык анекдота выдает глубоко запрятанные в нем разрушительные потенциалы: *Петька, читая «Историю Древнего Рима»: «Василь Иванович, а кто такие гетеры?» – «Да проститутки, Петька». – «А оргии?» – «Да пьянки». – «А патрици?» – «А это, Петька, опечатка. Должно быть – партийцы».* Ситуация «конфронтации», камуфлируемая под добродушную иронию, заложена в самой структуре анекдота. Резкая смена смысловых значений мгновенно обнаруживает ее, вследствие чего оказывается, что действующие лица анекдота говорят на разных языках: *«Скажите, вы еврей?» – «Нет, я просто сегодня плохо выгляжу...».* Яркий пример работы конфронтационной функции анекдота – сериал о новых русских, представляющий собой знак социального антагонизма, всеобщей нелюбви массового сообщества к этим новоиспеченным братьям по разуму вместе со всеми их «Мерседесами», золотыми цепями, «барабанами от Страдивари» и прочими опознавательными аксессуарами: *Читал пейджер. Много думал.*

«Управление». Как жанр культуры анекдот буквально, что называется «в лоб», ни к чему не призывает, ничем не грозит и ничего не требует. Однако на уровне сюжета тайную миссию «глаголом жечь сердца людей», очевидно, в силу литературной образованности своего анонимного творца, анекдот все же выполняет. **«Управление-согласие».** Как разговорный жанр анекдот всегда наводит на определенную психологическую ситуацию, событие, личность, в чем и проявляется его управляющая коммуникативная функция. Юмор анекдота делает его притягательным, а смех, звучащий как отклик, есть понимание-согласие и в то же время «гло-

ток свободы». Анекдот исподволь формирует мировоззренческие ориентиры, корректируя официальную картину мира: *Поймали Бен Ладена. Помыли, побрили. . . оказался – Березовский*. Циничный, пошлый и, как правило, бездарный анекдот, получивший распространение в наше время, является своего рода анальгетиком, провоцирующим омертвление нравственного чувства обывателя, не обремененного поиском смысла жизни. В ситуации смеховой зависимости, когда человек уже не чувствует границ, отделяющих смешное от серьезного или даже трагического, анекдот становится своеобразным «опиумом для народа». На страницах бульварной прессы и электронных СМИ можно найти массу примеров того, как беспардонно, путем подгонки текстов старых анекдотов под события дня сегодняшнего, «пекутся» анекдоты новейшего времени. Подобным средством манипулирования массовым сознанием потребителей культуры не без успеха пользуются устроители низкопробных телешоу («Аншлаг», «Саша + Маша» и т. п.).

«Управление-конфронтация». Вкупе с другими формами духовной конфронтации в обществе анекдот вполне может стать источником культурной дестабилизации, так как он почти всегда провокация, этакий «ехидный акт сопротивления», «обличительная "фига в кармане"» [1, с. 125]: *Коммуниста вызывают в партбюро: «Ваша жена жалуется, что вы не выполняете своих супружеских обязанностей». – «Видите ли, я... импотент...» – «Ты прежде всего коммунист!!!» – загремел секретарь партбюро*. Лучшее свидетельство разрушающего потенциала анекдота – признание властями людей, рассказывающих анекдоты, политически неблагонадежными. В сталинское время рассказчик анекдота мог получить до десяти лет лагерей как за «антисоветскую агитацию и пропаганду». В хрущевские и брежневские времена рассказ анекдота на «злобу дня» квалифицировался как «распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный строй», за которое полагалось три года тюремного заключения [4, с. 242]. Отзвуки этой повседневности нашли свое отражение в анекдотах брежневского времени: *Объявлен конкурс на лучший политический анекдот: первая премия – двадцать пять лет, вторая – десять, третья – пять лет*.

«Подражание». Ведущий содержательный мотив анекдота – пародия, а один из основных принципов его функционирования – театральность, заключающаяся в насмешливой имитации реалий общественной жизни. Пародийное представление персонажей сопровождается знаковыми речевыми характеристиками (акцент, интонация, дефекты речи и т. п.), что способствует

узнаванию персонажа и включению слушателей в игровую ситуацию: *Вопрос корреспондента журнала «Новое время» губернатору Петербурга: «Правда ли, что Петербург стал криминальной столицей России?». Ответ губернатора: «Ну, ты че, братан, в натуре, наезжаешь»*. Анекдот способен пародировать даже самого себя: *Жена с любовником лежит в постели. Звонок в дверь. Вовочка бежит открывать. На пороге – Василий Иванович и Штирлиц. Оба евреи*.

Посредством языковой двусмысленности анекдот намеренно создает коммуникативные барьеры. Рассказчик, используя многозначность «великого и могучего» (игра с омонимами, падежами, предложениями), предлагает слушателю продемонстрировать свое умение угадывать скрытый смысл по образу и подобию лингвистических перевертышей и оборотней. Разгадка противоречит ожиданиям, а внезапно обнажаемый скрытый смысл вызывает смех: *Пьяный Василий Иванович с шашкой вваливается в хату и орет: «Порублю, гады!». Петька, свешивая голову с печи: «А, может, по два, а то на полмитру не хватит?»*.

-
- [1] Анекдот как феномен культуры: Материалы круглого стола, 16 ноября 2002 г. / СПбГУ. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2002. 148 с.
 - [2] Курганов Е. Похвальное слово анекдоту. СПб.: Звезда, 2001. 288 с.
 - [3] Манкевич И.А. Жанр как феномен литературных коммуникаций: опыт культурологического прочтения // Вестн. Ом. ун-та. 2003. Вып. 4 (30). С. 93–96.
 - [4] Соколов К.Б. Городской фольклор против официальной картины мира // Художественная жизнь России 1970-х годов как системное целое. СПб.: Алетейя, 2001. С. 225–251.
 - [5] Шмелева Е.Я., Шмелев А.Д. Русский анекдот: Текст и речевой жанр. М.: Языки славянской культуры, 2002. 144 с.